

Дюк Степанович (Побывальщина)

Вот это сказка... Это все было давно... Вот это сказка... Вот Афимья Александровна — это, значит, мать Дюка Степановича —

Не полынь была трава шатается,
Белая бероза к земле пригибается,
Дюк с матерью прощается.

Когда он, Дюк Степанович, поехал туда, на горы Сарочинские, вот она ему говорит: «Сын (просто она его так увещевала) Дюк Степанович,

Поедешь, грит, на горы Сарочинские,
Поедешь если ко городу ко Киеву,
(Понятно?)

Не заезжай, грит, на гори Сарочинские.

На горы Сирочинские много заезжало, но мало выезжало».

Но он все-таки поехал да заехал на горы Сарочинские досколять маленько. Попал на гору туда, на едому-то, — палатка стоит семиметрова. Человек спит, да коленки-ти, ноги-ти все на улице. (Раньше сказка сказывалася «Богатыри спат». Будя?..)

Ну вот когда он стал ходить кругом: «Сто зэ делать?» А коня отпустил... А! Когда попал — конь ходит, крылатый. Он стал думать: «Что делать? Мозэт, гыт, сердитый хозяин попался? Попробуем-ко это коня отпустим. Если, гыт, конь драться будет, то, гыт, значит, злой хозяин. Если, гыт, конь ластиться будет (это один он себе думат!), если конь ластиться будет, то, гыт, хороший хозяин».

Ну когда он отпустил коня, он [тот] когда приблизился к коню, тот стал его обнюхивать, стали ластиться: «Знат, гыт, хороший хозяин». А самому как делать-то? Хрипит, да как телега ордынская гремит, — кто в палатке спит, богатыр. А он его не знает-то, кто богатыр, называть его, величать-то его как. И вот он ему ляг за спиной у него... Это не надо... Потом он разбудился — хрипел, хрипел-то... ну газ выпустил... так значит, газ и сразу разбудился от своёго-то газу, от богатырского. Оглянулся — человек у него мезду ногами. «Человек, ты, гыт, откуда?» — «Я от тебе... Я зэ, гыт, отсюда: такой газ, гыт, ты выпустил». Потом — ладно, поздоровались. «Как, грит, тебе

звать» Он грит: «Меня звать Дюк Степаньть». — «А меня, грит, Илья Мурометь. Куда поехал?» Он грит: «Поехал я ко городу ко Киеву, ко Владимиру-князеску». — « Ну ладно, грит, если трудно будет, грит, меня вспомнис, если трудно будет». Уехал Дюк Степаньть. Уехал, а этот остался в палатке, Илья Мурометь.

Потом, приехал когда туды, да там тего-то они стали ссориться с Владимиром-то, князем киевским. Ну потом он вспомнил при Илью-то Муромса. Только вспомнил, он узэ тут как тут. Потом он их там утихомирил.

Там сказка-то все!

(Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской в августе 1981 г. от чуванца И. И. Куркутского, 65 лет, в пос. Марково Анадырского р-на Магаданской обл. Расшифровано Т. С. Шенталинской и Ю. И. Смирновым)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.